

Даже если император хотел просто проехать от дворца до поместья Сяо, он не мог сделать это, когда пожелает. Всегда, когда он выезжал, его должна была сопровождать императорская армия, которая оберегала его безопасность.

Императорская армия должна была заранее расчищать путь. Однако, как бы эффективно они ни работали, у них все равно ушло полчаса, прежде чем все было готово.

«Ваше величество, все готово. Вы можете ехать», – новый командующий императорской армией выступил вперед на подгибавшихся ногах.

Он не боялся императора, он боялся ехать в поместье Сяо. Новости тайно распространялись в императорской армии. Двоих предыдущих главнокомандующих изгнали из-за поместья Сяо.

Теперь для императорской армии ехать в поместье Сяо было равнозначно быть смещенным с официальной должности.

Давление на нового императорского главнокомандующего было велико.

Император закашлялся. Его бледное лицо было покрыто нездоровым румянцем. Однако никто не решался посмотреть в лицо императору. И хоть люди и видели, как оно ужасно, они не решались об этом заговорить.

Чтобы как можно быстрее добраться до поместья Сяо, император сделал все попросту. Взяв с собой императорскую армию, он прямо проследовал к поместью Сяо.

Когда император проезжал мимо поместья своего придворного, он послал человека, чтобы заранее известить о своем прибытии. Линь Чуцзю рассмеялась, когда узнала, что император едет в поместье Сяо.

Хотя люди из дворца ничего не сказали толком, Линь Чуцзю отлично знала, что император наверняка ехал ради Хуа Цзиньжуна, но...

Хуа Цзиньжун уже уехал, император опоздал.

«Его величество едет ради Хуа Гунцзы?» – спросила Линь Чуцзю. Пришедший евнух все еще думал, как бы ему спросить о Хуа Цзиньжуне. Поэтому, услышав вопрос Линь Чуцзю, он быстро кивнул головой: «Да, его величество слышал, что Хуа Гунцзы был в поместье Сяо, так что приехал повидать его лично. Я хотел узнать, свободен ли сейчас Хуа Гунцзы?»

«Мне жаль разочаровывать его величество, но Хуа Гунцзы уехал», – Линь Чуцзю была не намерена развлекать императора. Иначе она могла бы притвориться, что ничего не знает, пока император не прибыл бы, и дать ему уехать в разочаровании...

«Что?» – евнух внезапно повысил голос.

Его голос был таким резким, будто он хотел пронзить ее барабанные перепонки. Линь Чуцзю поспешно прикрыла уши и сказала: «Гунгон, вам ни к чему кричать. Я не глухая».

Однако евнуху некогда было думать о Линь Чуцзю, он торопливо спросил: «Сяо Ванфэй, что вы хотите этим сказать – Хуа Гунцзы ушел? Он покинул поместье Сяо или столицу?»

Император был уже в пути. Сказать ему, что он выехал зря, было все равно что дать ему

пощечину.

«Хуа Гунцзы покинул поместье Сяо полчасика назад. Что же до того, покинул ли он столицу, то я не знаю». Судя по тому, как поспешно Хуа Цзиньжун приехал и уехал, Линь Чуцзю догадывалась, что он, должно быть, к этому времени уже покинул столицу. Ей просто не хотелось это разглашать.

«Вы... почему вы позволили Хуа Гунцзы уйти? Разве вы не умеете просить людей задержаться?» – евнух сердито ткнул пальцем в Линь Чуцзю. Его палец дрожал, показывая, как он был зол.

Хлоп – Линь Чуцзю схватила чайную чашку со стола и бросила ее в евнуха: «Еще раз укажешь на меня пальцем, я отрублю тебе руку». Когда император показывал на нее пальцем, она ничего не могла сказать. Но когда это делает какой-то пес, как она могла такое позволить?

«Вы...вы... вы...» – евнух был ошарашен. Он покраснел, но больше не смел показывать на Линь Чуцзю.

«Что я? Ты все еще не хочешь уходить докладывать императору? Хочешь, чтобы император съездил зря и снес тебе голову с плеч?» – жалобы Линь Чуцзю рассердили евнуха, но он не посмел более остаться. Он поспешно выбежал вон.

Он не мог представить, как зол будет император, когда услышит эти новости!

Император думал, что сделает шаг по лестнице в небо, но кто мог ожидать, что он сделает шаг в пустоту!

Не говоря уже о чувстве потери, куда теперь императору девать лицо?

Император лично выехал из дворца, но не увидел того, к кому поехал. Он по-настоящему потерял лицо перед поместьем Сяо на этот раз!

Несомненно, император был в такой ярости, что чуть не поубивал людей, когда услышал эти новости. Но что он мог поделать теперь, когда этот человек уехал?

Когда императорская армия спросила Линь Чуцзю, Линь Чуцзю просто ответила: «Хуа Гунцзы хотел уехать, разве я могла его останавливать?»

Верно, это не Линь Чуцзю было решать, должен ли старший молодой господин семьи Хуа уехать или остаться.

Император был в глубокой ярости, но он ничего не мог с этим поделать. Он мог лишь развернуться на полпути, но снова заболел, как только прибыл во дворец.

Болезнь императора была хорошей новостью для Линь Чуцзю. Раз император был болен, ему некогда было беспокоить ее!

Хотя Хуа Цзиньжун и пообещал спасти жизнь Сяо Тяньяо в критический момент, Линь Чуцзю не возлагала всех своих надежд на него.

Хотя она и не была предпринимателем, она тоже знала, как опасно было класть все яйца в одну корзину. Особенно, если корзину нес другой, если с на него натыкались другие, она ничего не могла с этим поделать.

Перед приходом Су Ча Линь Чуцзю написала письмо Сяо Тяньяо. В письме Линь Чуцзю описала все решения, какие смогла придумать.

После того как письмо было написано, Линь Чуцзю аккуратно сложила конверт и поставила печать.

Линь Чуцзю написала конфиденциальное письмо, поэтому она подумала, не стоит ли использовать шкатулку с паролем, которую Сяо Тяньяо прислал в прошлый раз. Но потом она увидела Су Ча, который влетел как порыв ветра: «Ванфэй, семья Хуа сюда собирается?»

Медный малыш не знал, что семья Хуа уже ушла.

«Да, они забрали маленького господина семьи Хуа», – Линь Чуцзю отбросила идею использовать шкатулки.

Хотя деревянная шкатулка была изощренной, она была бесполезна, если ее разрубить ножом. Шкатулка могла защитить свое содержимое только от обычных людей, но не от людей, владеющих боевыми искусствами.

«Забрали? Хуа Гунцзы тоже ушел?» – Су Ча положил ладонь на стол, наклонился вперед и во все глаза уставился на Линь Чуцзю.

«Ммм», – Линь Чуцзю спокойно кивнула. Су Ча нервно спросил: «Ванфэй, вы упомянули условие, которое бы обсудили заранее? Семья Хуа согласилась?»

«Нет, моим условием семье Хуа было спасти жизнь ванье в критический момент». Относительно условий семье Хуа Су Ча и Сяо Тяньяо обсудили все до того и передали Линь Чуцзю.

Их условием было позволить людям поместья Сяо свободно перемещаться между Центральной империей и Восточной страной.

Для граждан Восточной страны это было невозможно, но семье Хуа, стоило лишь рот раскрыть – и дело было бы сделано.

«Ах...» – услышав об этом условии, Су Ча не знал, стоит ли ему быть разочарованным или счастливым. Но теперь, когда условие было поставлено, семье Хуа не понравится, если они его изменят. Су Ча сел, поразмыслил немного и сказал: «Это условие тоже довольно хорошее. Жизнь ванье важнее всего».

Что же до свободы приходить и уходить – они могут придумать решение позже.

«Я тоже считаю, что нет ничего важнее жизни ванье. Торопиться в Центральную империю ни к чему. Если ванье выживет, разве будет что-то, чего он не сможет сделать?» Линь Чуцзю не сказала Су Ча, что ее условие было продиктовано ее эгоизмом. Да, хоть она никогда и не думала о том, чтобы угождать семье Хуа или пробираться в нее, она надеялась произвести на семью Хуа хорошее впечатление. Даже если она не сможет подружиться с ними в Центральной империи в будущем, они не будут считать ее неприятной, верно?

Условие спасения жизни Сяо Тяньяо было несомненно выдвинуто для того, чтобы оставить хорошее впечатление любви и справедливости в сердце Хуа Цзиньжуна!

<http://tl.rulate.ru/book/2902/1130315>